

Столяру, по прозвищу Вишня, попало в мастерской
полено, которое смеялось и плакало как ребенок

Жил да был...

Король?.. Ну, нет, — ошиблись. Жило да было полено, самое обыкновенное полено для топки печей в зимнюю пору, и, уже не знаю как, попало оно в мастерскую столяра Антона, по прозвищу Вишня.

Звали Антона так потому, что нос у него был красный с сизым налетом, совсем, как спелая вишня.

Увидав полено, Антон ужасно обрадовался и сказал, потирая руки:

— Вот штука хороша. Сейчас смастерю из него ножку, почию стол.

Сказано — сделано. Антон взял рубанок и начал было строгать. Но вдруг в ужасе отскочил: тоненький, тоненький голос пропищал:

— Ой! Потихе, пожалуйста!

Выпучив глаза, Вишня стал оглядывать мастерскую. Нет. никого. Заглянул под скамейку, и там никого, открыл шкаф, — никого, посмотрел в корзине со стружками, — тоже никого. Высунул нос за дверь, — ни души и на улице.

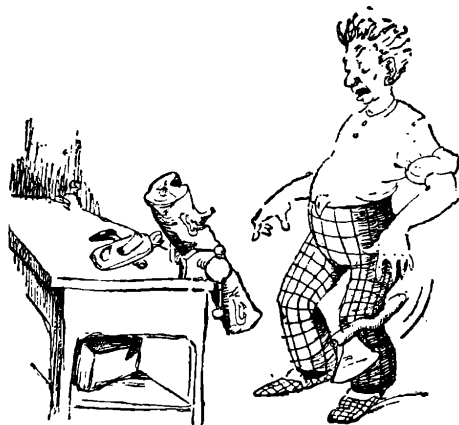
— Что такое? Вот так штука!

Подождал, подождал, засмеялся и почесал в затылке:

— Значит, это мне просто приметилось.

Опять взял рубанок и струганул, как следует...

— Ой! больно! — заплакал тот же таинственный голосок.



На этот раз Вишня сильно испугался. Глаза у него вылезли на лоб, язык повис до подбородка. Наконец, он чуть-чуть пришел в себя и проворчал, все еще дрожа со страха:

— Ну, если это кто-нибудь выдумал подшутить надо мной, тогда берегись. Эгэ!

Схватил полено и изо всей силы начал колотить им об пол. Потом прислушался, не плачут ли опять. Подождал две минуты, пять минут, десять минут, — ничего не слышать.

— Понял — сказал он, ероша на голове парик, — это мне опять померещилось. Ну, Антон Вишня, — за работу.

Чтобы прогнать жуть, он стал мурлыкать под нос песенку. Постругал, постругал. Вот и ножка готова! Вишня стал было ее полировать, но вдруг тот же таинственный голосок пискнул насмешливо:

— Ой, ой, не щиплитесь, пожалуйста!

Тут Вишня упал на пол, как подкошенный, и нос у него от страха стал совсем синий.

Антон дарит недоструганную ножку своему другу

В дверь постучали.

— Войдите, пожалуйста, — слабым голосом сказал Вишня, еще сидя на полу.

В мастерскую вошел его приятель, очень веселый старичек, по имени Карло.

Соседние мальчишки дразнили его «Рыжиком», потому что он носил рыжий парик. Карло ужасно обижался на это прозвище.

— Здравствуй, Антон! — сказал Карло. — Что это ты делаешь на полу?

— Учю муравьев считать...

— Ну, бог на помощь!

— Что занесло тебя в наши края, дружище?

— Ноги, голубчик! Ноги! — сказал Карло. — Вот хотел попросить тебя об одном одолженьице?

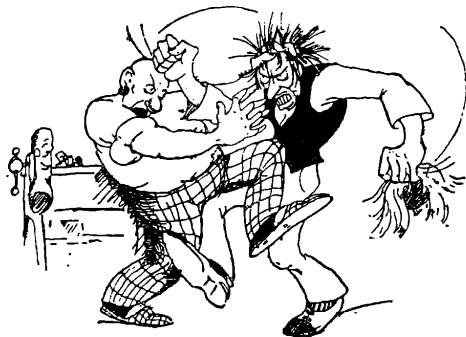
— Рассказывай, о каком одолжении хотел меня просить.

— Видишь ли, я задумал — опять сказал Карло — смастерить деревянного Петрушку, но Петрушку особенного, который будет танцевать, драться на шпагах и прыгать сквозь обручи. Вот я возьму его и пойду бродить по свету, зарабатывать себе на хлеб. Хватит и на стаканчик винца, как ты полагаешь? А? Ловко ведь придумано?

— Прекрасно, Рыжик, придумано, — запищал откуда-то тоненький голосок.

Услышав слово «Рыжик», Карло покраснел, как перечный стручек, и закричал на Антона:

- Ты что это ругаешься, негодяй!
- Кто тебя ругал, бог с тобой...
- Ты назвал меня Рыжиком!
- Нет, не я!
- Нет, ты!
- Нет, не я!
- Ты!
- Нет!
- Ты!



От слов недолго и до дела. Старики вцепились друг другу в парики и начали тузить друг друга.

Наконец, парик Рыжика очутился в руках Антона, а Антонов парик в зубах у Рыжика.

— Отдай мне мой парик, — сказал Антон.

— Нет, ты отдай мой парик, — сказал Рыжик, — тогда поми-
рится.

Старики надели каждый свой парик, пожали друг другу руки и поклялись в вечной дружбе.

Когда мир был заключен, Антон спросил:

— Ты, кум, чего-то хотел у меня попросить. Проси, не стес-
няйся.

— Я, кум, хотел попросить у тебя кусочек дерева для моего
Петрушки.

Вишня обрадовался.

«Отвяжусь я от этого проклятого полена», — подумал он, и, взяв со станка полено, протянул его куму:

— На, вот возьми!

Но полено вдруг вырвалось из рук Антона и само принялось колотить Рыжика.

— Ах, вот какие твои подарки! — закричал Рыжик.

— Ей богу, это не я!

— Значит, я сам себя бью?

— Это полено тебя колотит.

— Я знаю, что полено меня колотит, я знаю, что ты меня давно собирался убить.

— Вот дурак беспонятный!

— От дурака слышу!

— Не ругай меня дураком, а то и я тебя обругаю... Рыжик!..

— Осел!

— Рыжик!

— Скотина!

— Рыжик!

— Скверная обезьяна!

— Рыжик!

Услышав в третий раз «Рыжик», Карло принялся колотить кума. После этой второй потасовки у Антона оказался исцарапанный нос, а у Карло не хватало двух пуговиц на куртке.

Старики устали, запыхались и, протянув друг другу руки, второй раз поклялись в дружбе, кончилось дело тем, что, взяв полено под мышку и прихрамывая, Карло направился домой.

Карло, вернувшись домой, сейчас же принимается мастерить Петрушку

Карло жил в полутемной каморке под лестницей. Стояли в ней безногое кресло, узенькая койка, да разломанный столик. В глубине виднелся затопленный каминчик. Но огонь в каминчике был нарисованный, так же был нарисован над огнем кипящий чугунок.

Карло вошел в каморку и принялся за дело.

«Как бы мне назвать Петрушку? — раздумывал он. — Назову-ка его «Пиноккио». Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство — всех их звали Пиноккио. Отец — Пиноккио, мать — Пиноккио, дети — Пиноккио, все они жили прекрасно. Самый богатый из них просил милостыню»...

Так Карло назвал Петрушку Пиноккио и принялся за дело, вырезал на полене волосы, потом лоб, потом глаза.

Но представьте себе его изумление, когда глаза вдруг сами задвигались и уставились ему в лицо.

Карло перепугался, но не подал виду, а только ласково спросил: — Деревянные глазки, почему вы на меня уставились?

Но Петрушка молчал. Карло продолжал строгать. Выточил нос, но только кончил вытачивать, — вдруг нос принялся расти и вырос такой длинный, что Карло даже крякнул:

— Вот так носище!

И стал было спиливать его, но не тут то было: нос так и остался носищем. Карло принялся за рот, но не успел его вырезать, как следует, — вдруг рот стал хохотать, как сумасшедший.

— Перестань! — крикнул Карло.

Рот перестал хохотать, но изо рта высунулся длинный, предлинный язык и стал дразниться. Не обращая уже внимания на эти проказы, Карло продолжал прилежно работать, строгать, точить, ковырять Петрушку. Сделал подбородок, шею, плечи, туловище, руки. Но едва кончил стругать руки, — хватъ! — руки стащили парик с его головы.

— Отдай парик! — закричал Карло.

А Петрушка уже нахлобучил себе парик на голову по самые глаза, и — хохочет, заливаясь.

Видя все это, Карло ужасно огорчился и, обратившись к Петрушке, сказал:

— Я еще мастерить тебя не кончил, а ты уже за проказы принялся. Это очень плохо с твоей стороны!

Карло сказал все это и даже вытер глаза рукавом, — так ему стало обидно. Теперь оставалось сделать только ноги. Петрушка дал ему ногой пинка прямо в нос...

«Я этого не заслужил, — подумал Карло. — Но ничего не подлаешь, надо кончать работу». Он поставил Петрушку на пол, и стал учить его ходить. Пиноккио выучился ходить очень скоро, стал бегать, прыгать, а потом — скок, скок! — и за дверь.

Карло за ним... Но где уж тут... Петрушка прыгал, как заяц, только ножки деревянные постукивали по камням.

— Держи его! Держи его! — завопил Карло.

Прохожие, видя бегущего Петрушку, только хохотали от восторга. К счастью, на углу улицы стоял городской. Заслышав крик и хохот, городской подумал, что должно быть у кого-нибудь убежал из конюшни жеребенок, и решил его поймать во что бы то ни стало.





Он расставил огромные ноги, стал посреди улицы и ждал. Увидав полицейского, Петрушка хотел прошмыгнуть у него между ног, — но не тут-то было. Полицейский поймал его и, защемяв двумя пальцами нос Пинокио, сдал его с рук на руки Карло.

Карло хотел было надрать уши шалунишке, но представьте себе, — ушей у Пиноккио и не оказалось: второпях Карло за-был сделать уши. Тогда, схватив озорника за шиворот, Карло потащил его домой.

— Погоди, разделаюсь я с тобой, разбойник.

Пиноккио, испугавшись, бросился на землю и не двигался, как мертвый. Собралась толпа. Стали судить да рядить:

— Бедняжка, — жалели одни, — конечно, он боится идти домой, старик избьет его до полусмерти.

Другие говорили:

— Карло — это ехидный старикашка: он только притворяется хорошим человеком, а с детьми зверь! Он убьет несчастного Петрушку. Искрошит его в куски.

Одним словом прохожие такого наболтали, что полицейский отпустил Пиноккио и повел в тюрьму старого Карло. Бедняга шел и выл, как теленок:

— Ой, ой, ой! Себе на горе сделал я проклятого Петрушку!

Встреча Пиноккио с Говорящим Сверчком

Итак, Карло ни за что, ни про что потащили в тюрьму, а плутишка Пиноккио, вприпрыжку, как заяц, за которым гонятся охотники, перемахивая через плетни, лужи и канавы, побежал домой. Дверь оставалась не запертой. Он юркнул во внутрь и бросился, отдуваясь, прямо на пол.

— Ух, слава богу! Удрал!..

Но радость его длилась недолго. В комнате он был не один: — слышалось какое-то потрескивание:

— Кри-кри-кри-кри!..

— Кто здесь? — спросил Пиноккио.

— Я!

Пиноккио оглянулся и увидел огромного сверчка, медленно ползущего по стене.

— Кто ты такой? Как сюда попал?

— Я Говорящий Сверчок, и живу в этой комнате больше ста лет.

— Но сейчас я здесь хозяин, убирайся отсюда!

— Я уйду! — покорно ответил Сверчок, — но прежде мне нужно поговорить с тобой об очень важных вещах.

— Говори, только поскорее!

Сверчок поскреб ножками по стене и сказал с укоризной:

— Детей, убегающих из родного дома, ожидают в жизни большие несчастья. Погоди — придет время — расскаешься!